

В. Еремин

Ленинское знамя,

Савельич

Рассказ

Старик неторопливо шел по берегу реки. Галечник глухо шумел под ногами. Нагретые за день камни источали тепло. Заходящее солнце золотило верхушки деревьев, что толпились ватагами вдоль поймы. Вот и поворот, за которым открывался Гусляковский плес. На этом месте Савельич любил посидеть с удочкой, встречая новый день. Старик сбросил мешок с набранной для больной старухи целебной травой и усталю опустился на прибрежный валун. Он достал папиросу и закурил, любуясь открывшейся панорамой.

—Благодать-то какая, ну чистый рай! — подумал Савельич, делая глубокую затяжку. — Не мешало бы чебачка поудить на ушцу. Поутру поклевка знатная будет. Особенно вон за той коряжиной, что у обрыва... Самое место...

И только тут старик заметил около берега двух парней. Они устанавливали палатку.

—Опять место занято, — огорчился старик. Он поднял руку козырьком — мешало солнце — и присмотрелся.

—Да никак это Сашка, сын Дарьи Донниковой прикатил из города... Точно он. Видать, с другом зоревать собрался.

Сашку Савельич знал сизмалства. Дарья в своем сыне души не чаяла. Действительно, бойкий, сметливый, он легко учился в школе, а окончив ее, поступил в институт. Рыбаком он был отменным и фертным. Не раз они вместе коротали ночь, а по утрам неперегоны таскали окуней да красноперок. Старик очень обрадовался встрече: почитай, год не виделись.

—Добрый вечер, ребята, — произнес Савельич, подходя к ним.

Сашка, увидев старика, широко улыбнулся.

—Здравствуй, Савельич! Как твоё здоровье, как там баба Ксения — не хворает?

—Да ничего, скрипим помаленьку, — отвечал старик, с улыбкой разглядывая спортивную фигуру парня. — Ты-то как сам?

—У меня все нормально. Вот вырвался на рыбалку с другом. Знакомся, это Володька. Вместе учимся. Да что же мы стоим! Савельич, присаживайся к костру. Сейчас уха будет готова, тятном по малюнькой за встречу.

Все присели около костра.

—Знатные хоромы, — с одобрением заметил старик, глядя на палатку.

—Германская! — с гордостью ответил Сашка. — У нас пока таких делать не научились, а легкая, как пух...

В последних словах Сашки проскользнула ребячья хвастливость. Савельич понимающе улыбнулся. Парень, заметил это, стухевался.

—А что, Савельич, может, вместе порыбалим? — произнес он. — Тряхнем стариной.

—Можно. Только старуху надо предупредить. Беспокоиться будет.

Пока ребята готовили все необходимое к ужину, старик, взяв лопату, отошел в сторонку к кустам и стал копать землю. Вовка толкнул друга в бок.

—Что это он? Червей ищет?

—Да нет, санитарку наводит. Я тебе о нем потом расскажу.

Савельич за полчаса насобирал по берегу целое ведро стекла, консервных банок и другого хлама. Все это он высыпал в яму и аккуратно зарыл ее.

Запах наваристой ухи, толмившейся на слабом огне костра, дразнил проголодавшихся рыбаков.

—Просим к столу, Савельич, — шутиливо бросил Володя. Старик пучком травы вытер лезвие лопаты, прислонил ее к березе на видном месте и направился к костру.

—Хороша ушца на призовье, — крикнул дед, пристраиваясь к котелку.

После ужина дед ушел в деревню.

—Странный дед, — заметил Володя.

—Дед, что надо, только с чудинкой, — произнес Сашка, закуривая. — Его в деревне у нас санитаром прозвали. Каждый вечер бродит по берегу, собирает мусор и закапывает. Мужики наши остры на язык. Подначивают его то так, то этак, но его не прошибешь. На ядовитые шутки серьезно отвечает: «Природа, как дите, присмотра требует».

Сашка так точно спародировал интонацию старика, что оба рассмеялись.

—Ну что, еще по одной? Там немного осталось...

Было совсем темно, когда вернулся Савельич. Ребята, разгоряченные спором, даже не заметили его прихода.

—Чего не поделили, петухи? — приветливо спросил старик, — подходя к костру. Он снял с плеча парусиновую сумку со снастями и иккуратно положил под дерево.

—Да вот, — ответил Сашка, — спорим на извечную тему «отцы и дети».

Размыв папиросу твердыми пальцами, Савельич сунул ее в рот. Достал из костра головешку и, прищурившись, прикурив.

—Скажи, Савельич, что тебе в нас не нравится? — начал Сашка.

—Да чего же не нравится, ребята, как ребята...

—Нет, ты меня не понял, — Сашка досадливо поморщился, — вообще, молодежь в целом чем тебе не нравится?

Савельич хмыкнул в усы и покачал головой.

—Да как вам сказать... Наверное, легкость... Вот внучка у меня, Катерина. Вымахала деваху, а забот никаких. Ей только веселье да одежду подавай. Думал, она одна такая, а нет. Пригляделся к другим — тоже самое. А слова поперек не скажи, сразу же в ответ: «Отсталый, ничего не понимаешь».

—Так это же юность, — Володя понимающе улыбнулся, — завершение детства.

—Вот и я думаю. Долгонько детство-то тянется. Мы с шестилетней пристраивались к ремеслу, а ей, почитай, восемнадцатый пошел.

—А у нас нет такой возможности пристраиваться. Так что же, в этом наша вина? — Сашка пытливо посмотрел в глаза Савельича. — Это, во-первых. А во-вторых, веселье и одежда тоже нужны. Прошло то время, когда все поголовно ходили в ватниках. Одежда — это зеркало культуры.

—Тьфу, да какая же это культура, — не выдержал Савельич, — одежда иностранная, музыка тоже иностранная, ничего сего не осталось. Сплошная Америка. Недавно в город ездил, так там все в спекуляцию ударились. Это что же получается — в магазинах пусто, а на базаре густо. Зато цены — не подступишься. И кто этим занимается — здоровые мужики. Им бы работать, а не, белишко бабье продают, тоже иностранное...

—Это коммерция, Савельич — произнес Володька.

—Да какая же, и черту, коммерция. В одном месте скупают по дешевке, а в другом продают втридорога. Это же не труд, а сплошное надутьельство. Получается, с чем боролись, на то и напоролись.

—А кто в этом виноват? — спросил Сашка, — каждому хочется лучшего. Вот ты хавешь иностранное, а сам-то германскую леску предпочитаешь. Забыл, как ее расхваливал? Наши-то, оказывается, хуже. За семьдесят лет даже этого не научились делать, а все туда же. Вот ты сам всю жизнь проработал скотником, навоз вывозил. А разве таким тебя видел отец в своих мечтах?

Савельич бросил окуроч в костер и задумался.

Вспомнилось далекое прошлое...

(Окончание следует).